Переправа, переправа.
Берег левый, берег правый...
А. ТВАРДОВСКИЙ

Понтонер Облезов

Тот день весны 1931 года останется в памяти Петра Михайловича навсегда.

Вся семья была в сборе, когда трое мужчин смело вошли в избу:

— Вот это и есть семья Облезовых, которая подлежит выселению, — сказал один из них.

Ему тогда было одиннадцать лет, и сразу он не понял: какому выселению? Отец взялся за голову и закачал ею, как будто кто-то ударил. Бабушка с дедушкой сидели рядом на лавке и переглядывались. Тут же зашли еще несколько человек. По-видимому, старший из них зачитал какую-то бумагу о раскулачивании, и все пошли во двор. Петр с удивлением смотрел, как представители сельсовета открыли ворота и начали выводить всю скотину.

— На колхозный двор! — крикнул старший из них.

Облезовы жили тогда в поселке Белые Ключи в пяти километрах от деревни Старая Письменка, где располагался сельсовет. С болью смотрели на угоняемую скотину. Было у них тогда две лошади, две коровы и несколько овец. Петру особенно было жаль Рыжуху — спокойную кобылу, которую он очень любил. Отец часто сажал на нее маленького Петра, она всегда стояла смирно, размеренно подрагивая гривой, и это забавляло его. Мать, закрыв лицо передником, тихо плакала. Отец стоял молча и глядел куда-то в сторону, как будто происходящее во дворе его не касалось. Дед, словно спохватившись, подошел к пожилому с бородкой мужчине, который командовал всем этим, пытался что-то сказать, но вскоре отошел в сторону и закрыл глаза руками. Двор опустел. Мать и бабушка не переставали плакать. Было у Облезовых несколько ульев с пчелами — и те забрали в колхоз...

На следующий день в доме появилось четверо мужчин — трое с винтовками и один с револьвером. Дело было к вечеру, Петр с Андрюшкой Писаревым только пригнали небольшое стадо поселковых коров. Отца и старшего брата забрали, сказав домашним, чтобы собирались. Куда, зачем?

Через несколько дней Петр вышел на улицу и обрадовался, увидев Рыжуху, которая стояла перед воротами. Вернулась, дорогая, в свой дом! Но на следующий день ее увели обратно...

Потом Облезовым объявили, что всех повезут в Бугульму. Поднялся рев. Мать и бабушка плакали и суетились. Собирали продукты, начали сушить сухари. Старший представитель с револьвером, глядя на кур, бродивших по двору, спросил:

— Что будете делать с ними?

Петр не слышал, что ответила мать, но вскоре услышал несколько выстрелов во дворе и увидел, как второй военный потащил несколько подстреленных кур. Мать с бабушкой ощипывали птиц, что-то готовили, суетясь возле печки. Малыши смотрели на старших, еще не понимая значения начинающейся семейной трагедии. Двое военных заночевали в доме Облезовых, а утром подогнали подводу, запряженную соседской лошадью, и приказали собирать вещи. Рядом плакали соседские женщины...

Побросав скарб, одежонку и провизию на подводу, Облезовы двинулись в далекий и неизведанный путь. В телячьих вагонах прибыли в голую степь, на стройку, в нынешнюю Магнитку. В районе старого аэропорта вырос большой поселок спецпереселенцев, сосланных из Татарии и Ивановской области. Поневоле вспоминаются слова Бориса Ручьева, с которым был знаком автор:«Мы жили в палатке с зеленым оконцем, промытой дождями, просушенной солнцем...»

Наступила осень 1931 года. Жить в палатке стало невыносимо холодно. Дедушка с бабушкой совсем занемогли. Деду Сильвестру было уже за девяносто. Вскоре его свезли на кладбище. Каждый день на подводе приезжали двое мужчин и кричали возле палаток: «Покойнички есть?» Вскоре умерла и бабушка Евдокия. Ее положили на подводу и закрыли брезентом. Там уже было несколько мертвых...

Отец со старшим братом Александром 1916 года рождения работали на строительстве первой домны. В то время на самых тяжелых строительных работах использовался, в основном, труд спецпереселенцев. На работу их водили под конвоем. Эти люди, оторванные с насиженных мест, внесли огромную лепту в строительство комбината и города. Нужно помнить, что город и завод стоят на костях тысяч и тысяч этих безвестных строителей. Сейчас у многих из них, в том числе и у автора этих строк, есть удостоверения о реабилитации). Уже выпал снег, когда начали переселяться в бараки на центральном спецпоселке. Бараки были длинными, с нарами в четыре ряда, с буржуйками по краям. Пайка не хватало. Ели листья и кочерыжки от капусты, которые собирали после уборки урожая на Полях Орошения, ели крапиву...

Вскоре в семью пришло очередное горе: умер младший шестилетний братишка. А тут еще отец, работавший бригадиром плотников-бетонщиков, упал с лесов и разбил голову. Он лежал на Ежовке в больнице весь забинтованный, извиняюще и несмело улыбался и шептал Петру: «Ничего, Петя, поправлюсь...» На другой день Петр прибежал проведать отца, но сосед по койке сказал, что он умер и его увезли. Это означало, что схоронили в общей могиле. Шел 1932-й голодный год...

Вскоре заболела и мать. Простудилась. Ее положили в больницу на спецпоселке. Но поправиться было не дано. Умерла... Семья страшно поредела. Остались в живых старший брат Александр, Петр и две сестры...

Трудовая биография Петра Облезова началась в 1936 году. Он поступил работать в котельно-ремонтный цех металлургического комбината разметчиком. А 4 июня 1941 года был призван в армию. Прибыли на финскую границу. Баржами по Ладожскому и Онежскому озерам в город Лодейное Поле. Загрохотала война. Снова в баржах: Ладога, Онега, реки Свирь и Волхов. Обмундировали в Калинине. Прибыли военные представители и отобрали несколько человек в 56-й понтонно-мостовой батальон, начали обучать понтонному делу. Весной 1942-го учения проходили уже на воде. В 1943 году батальон был переброшен под Москву, откуда под натиском наших войск фашисты отступали до города Валдай. Расчищали дорогу Москва-Ленинград. Под Торжком наткнулись на два сарая с трупами немцев... Под Старой Руссой расчищали взлетные полосы аэродрома. Батальон был в резерве главного командования, поэтому постоянно перебрасывался на разные участки фронта. Летом 1944 года строили дорогу через озеро Нивий Мох по болотам. Это была адская работа. Частенько наведывались фашистские стервятники, накрывали бомбами. Постоянно висели «рамы» и фотографировали наши позиции. Летом и зимой батальон был занят наведением мостов через малые реки Калининской области. В канун 1945 года довелось строить мост на льду перешейка озера Невель. Он был массивным — для перехода техники с грузом. Когда мост был сделан, опоры подпилили и утопили, разбив лед. Пришлось, как говорится, испробовать ледяной купели. Тут уж без ста граммов фронтовых не обходилось...

Вспоминается Петру Михайловичу одна бессмысленная и жестокая операция. Было это летом 1944 года. Как только понтонеры навели мост через реку Голубая, по нему сразу же был брошен батальон штрафников, чтобы штурмом занять высотку, на которой стоял лишь один дом и несколько сараев. Как только штрафники бросились в атаку, из сарая выполз «Тигр» и в упор расстрелял штрафников и роту понтонеров. Все это было при поддержке массированным огнем из сараев, где немцы сосредоточили огневые точки...

Понтонеры помнят войну по мостам. Еще один мост через реку Ловать. Был он под постоянным артобстрелом, постоянно бомбился. Но все-таки техника благополучно перешла на другой берег. После боя разнесся слух, что прибыл какой-то большой генерал. Но в глазах Петра еще рябило. Рядом с ним пошел под воду его тезка-сибиряк, он успел вынести его на берег, но тот уже был мертв. Настигла смерть и друга-земляка — магнитогорца Колю Кутузова... Сильно поредевший батальон был выстроен. Маршал Еременко обошел его и каждому лично вручил по медали «За отвагу», адъютант только записывал фамилии...

Затем Новгородская область. И опять мост через Ловать, где и встретился со своим товарищем по спецпоселку Алексеем Лубышевым...

Затем батальон был переброшен в Рыбинск, где на гидростанции ставили заграждения от торпед, которые немцы сбрасывали с самолетов...

1945 год. Батальон под Ригой. Немцы хотели через Кенигсберг переправиться в Германию. Приказ ставки: не выпустить немцев из Прибалтики. Строили мост через Даугаву. Немцы тоже старались навести свою переправу, но наша авиация их разбомбила. Немцы были окружены, захватили много пленных вместе с генералом и адмиралом...

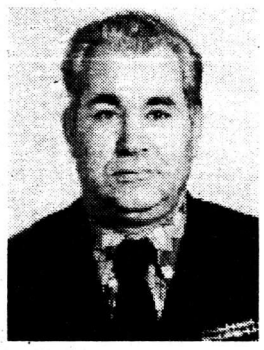
После войны Петр Облезов прибыл в ленинградский военный округ, где несколько понтонных батальонов расформировали и создали один — 1-й Гвардейский понтонный батальон. Вверх по Неве была и есть станция Понтонная. Она была разбита до основания. Фактически ее надо было не восстанавливать, а строить заново, начиная с водопровода и канализации. Восстановили казармы, дома, клуб, столовую...

В мае 1946 года Петр Михайлович Облезов демобилизовался и вернулся в Магнитку. За годы войны город стал легендарным, внес огромную лепту в дело Победы. Петр Михайлович устраивается работать на рудник помощником машиниста электровоза к Ивану Ивановичу Лисакину. Он-то и помог ему быстро научиться водить составы самостоятельно. На смену итальянским электровозам прибыли японские — освоил и их. Затем начали поступать отечественные Новочеркасского завода. Так и получилось, что за тридцать лет вождения он по десять отработал на каждом из них. Так и летели годы: осваивалась новая техника, появились свои ученики. миллионы тонн руды вывез он с товарищами своими составами. А недавно увидел портрет космонавта Поповича в городской газете и вспомнил, как 1 марта 1971 года тот лично вручал ему и его товарищам во Дворце им. С. Орджоникидзе медали «Ветеран труда». А в 1975 году Петр Михайлович Облезов вышел на заслуженный отдых...

Уходят на пенсию ветераны, но не стареют душой, оставляя после себя добрые дела и добрую память, свои золотые строки в летописи Отечества. И разве можно сбросить со счетов и тот факт, что уже 48 лет живут вместе Петр Михайлович и Нина Дмитриевна. Воспитали двух сыновей, имеют двух внуков, двух внучек, правнучку. А это можно сравнить с надежным десантом понтонера в третье тысячелетие.

И. ДАВЫДОВ,
ветеран войны и труда.

Неделя из фронтовой жизни



В марте 1942 года я был в составе лыжной бригады. Нам приказали через лес обойти сильноукрепленный населенный пункт в районе Северного Донца и с тыла взять его. 7 марта нам нужно было с группой в 42 человека перейти Донец и закрепиться в первых хатах населенного пункта. Наш переход поддерживали станковые пулеметы с берега. Река в том месте была шириной метров 80-100, на льду глубокий снег, который и спасал нашу группу при переходе.

Переходили мы короткими перебежками по 2-3 шага и падали в снег, таща за собой станковый пулемет, установленный на лыжах. До пункта назначения группа добралась без потерь, но станковый пулемет был выведен из строя, так как при каждом обстреле мы с размаху падали в снег, а пулемет оставался на лыжах...

При обследовании первой хаты я нашел там ручной пулемет, зарядил его и стал вести огонь по немцам. А в это время переходили Донец наши основные силы. Взяли мы дома по улице вдоль Донца и стали продвигаться влево вдоль оврага. Немцы эту улицу оставили и заняли оборону по другую сторону оврага, т. е. в домах за ним, параллельно. Немцы пытались обойти нас слева. Я замаскировался в ветвях яблони и прицельным огнем из снайперской винтовки начал разрежать немецкую группу, пытавшуюся нас обойти. Так увлекся, что не заметил, как вторая группа скрытно, через постройки свинарника, начала нас окружать. Ко мне подбежал командир роты и мы вместе стали отступать на то место, откуда начали наступление, т. е. на другой берег Донца. На следующий день мы снова пошли в наступление и достигли того места, где были вчера. Я, стоя на коленях, через щели в плетне выбирал цель и вел прицельный огонь по немцам. В это время на той стороне оврага из окна дома появлялись вспышки, снайперская винтовка не давала нужного результата. Тогда я обратился к старшему лейтенанту и попросил ручной пулемет, который оставил перед этим в хате. В это время между мной и командиром роты разорвалась мина, ранило старшего лейтенанта в груд, ранило и меня. От удара я лицом ударился о плетень и почувствовал, что по спине течет что-то горячее. Хотел забежать в хату, но в это время разорвалась вторая мина, и мне раздробило ступню правой ноги. Сгоряча я забежал в хату и вскоре у меня не стали работать правая рука и правая нога. К этому времени нас осталось от роты четверо и политрук. Командир роты через несколько минут скончался. Оставшиеся положили меня на санки и повезли...

В это время ранили в руку одного из солдат. Я предложил, чтобы спрятали меня где-нибудь, а если кто-нибудь останется в живых — пусть не забудут вернуться. Ребята долго не соглашались, но очередное ранение солдата решило наш спор, и меня спрятали в огородном подвале, замаскировали соломой; оставили две гранаты и пистолет.

На другой день через дверь подвала увидел на улице красное зарево. Ну, думаю, горят хаты...

Утром третьего дня подошел к подвалу немец в маскхалате с автоматом и кинжалом за поясом. Встал в проеме двери и начал внимательно всматриваться. Ну, думаю, сейчас начнет «прочесывать» солому из автомата. Взялся за чеку гранаты... Но он постоял — и ушел.

К концу третьего дня мне послышался русский говор. Набрался сил и крикнул: «Товарищ солдат! Товарищ солдат!» Через некоторое время заходит наш солдат и спрашивает: «Кто здесь?» Я отвечаю: «Я — старший сержант Гришин.» Он сказал, что перед наступлением командир штурмовой группы (командир роты) приказал найти меня живым или мертвым, и побежал докладывать, что нашел меня живым. Сколько прошло времени с той минуты — не помню. Наконец, входит в подвал человек, зажигает фонарь и я вижу: он в маскхалате, с автоматом, с кинжалом за поясом. Это был наш бывший политрук. Он обнял меня и оставил двух солдат с санками из лыж. Приказал любыми средствами доставить меня в медсанбат до рассвета...

Когда они вынесли меня из подвала, то я увидел, что от хат остались только дымящиеся стены. Эти стены уже не были преградой от пуль, так как состояли из тлеющих углей. И только на четвертые сутки я попал в санбат, где мне сделали первые перевязки.

А. ГРИШИН.